

Заключение. Проведённый анализ свидетельствует, что обращение авторов – наших современников к анализируемому образу – мифической птицы **Гамаюн** – отличается определёнными особенностями. Основной функцией прецедентного для восточнославянской лингвокультуры имени **Гамаюн** словесно-художественного произведения современного периода является участие в создании **стилизации**.

Именно этой ключевой, имеющей **комплексный** характер функции, подчинена и вся иная нагруженность имени **Гамаюн** в лирических произведениях начала XXI-го столетия – например, включённость его в разнообразные **тропы и фигуры**, а также создание с помощью означенной номинации своего рода композиционного каркаса лирической структуры, где имя волшебной птицы становится одним из средств его обрамления, задавая тем самым направление развития лирического сюжета.

1. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : «Гнозис», 2004. – 318 с.
2. Персонажи славянской мифологии / сост.: А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. – К. : Фирма «Корсар», 1993. – 224 с.
3. Шуклин, В. В. Русский мифологический словарь / В. В. Шуклин. – Екатеринбург : Уральское изд-во, 2001. – 384 с.

УРОКИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

*В.В. Здольников
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Историю, неважно чего – государства, науки, литературы, не надо переписывать; её следует изучать, чтобы знать и делать практические выводы из прежнего опыта на очередных её крутых виражах. Этой аксиомой и мотивировано наше обращение к событиям в русской общественной мысли и литературной жизни более чем полутора столетней давности. К сожалению, она не всегда «работает» в теории и на практике, особенно в области гуманитарной и социальной. Чему бурный XX век явил нам массу примеров, и что подтверждает актуальность нашего исследования.

Цель исследования – проследить факт эволюции в ходе её общественно-политических взглядов одного из оппонентов.

Материал и методы. Материал – незавершённая дискуссия (по причине раннего ухода из жизни одного из её активных участников) между журналами «Современник» и «Москвитянин» в 1847–1848 годах. Эмпирический материал – три статьи В.Белинского (в газете «Молва» и в журнале «Современник») и три статьи в «Москвитянине» (две написаны К.Аксаковым, одна – Ю. Самариным). Метод анализа – сравнительно-текстуальный.

Результаты и их обсуждение. Вопреки устоявшемуся мнению о «николаевской реакции», о свирепстве цензуры, наступивших в России после 1825 года, заметим, что именно в сороковые годы литературная жизнь страны отмечена событием, доселе невиданным – открытой публичной дискуссией между литературными журналами «Отечественные Записки» и «Москвитянин», главными фигурантами которой стали критики К.Аксаков и В.Белинский. Делает её исторически знаковой то обстоятельство, что, начавшись с сугубо эстетического спора о жанре «Мёртвых душ» Н.Гоголя, она быстро «перетекла» в область общественно-политической мысли. И вошла в историю как спор славянофилов сперва с «западниками», а позже – с революционными демократами. А конкретнее – их разных аксиологических ориентиров в этом споре.

Историки, социологи и филологи эту первую публичную дискуссию в России исследовали тщательно, каждый в своих профессиональных аспектах. Для историков общественной мысли и социологов её итогом стала победа сначала «западников», а позже революционных демократов над консерваторами-славянофилами. Для филологов это – победа критиков натуральной школы в тогдашней литературе над коллегами из формалистской и эстетической. Причём героем этих побед предстаёт В.Белинский с соответствующими определениями: «давний и непримиримый противник славянофильства», «подлинный революционер-демократ» [т. 3, с. 896, 897]. В них впервые усомнился выдающийся русский критик и литературовед XX века В. Кожин, отмечая противоречивость его оценок «Мёртвых душ» в ходе той полемики. «Белинский по прочтении «Мёртвых душ» написал: «Нельзя ошибочнее смотреть на «Мёртвые души» и грубее их понимать, как видя в них сатиру». Но потом, не желая согласиться со статьёй сла-

вянофила К.Аксакова, начал писать нечто другое... Видимо некая политическая идея увлекла его настолько, что он готов был пожертвовать объективностью» [3, с. 248].

Да, увлекла; мы лишь уточним какая, обращаясь к началу его карьеры литературного критика. Началась она в газете «Молва», редактором которой был профессор Московского университета по теории изящных искусств Н.И. Надеждин, с публикации в конце 1834 года статьи «Литературные мечтания. Элегия в прозе». Начинающий критик объяснял бедственное положение тогдашней русской словесности тем, что «народ, или, лучше сказать, масса народа и общество пошли у нас врозь». Под «обществом» он разумел дворянство, высшее сословие, интеллектуальную элиту, которое «из всех сил ударилось в подражание, или, лучше сказать, передражничество иностранцев» [1, с. 27–28]. Поразительно, как двадцатитрёхлетний молодой человек, вчерашний студент, пророчески определил основной изъян национальной общественной жизни, ставший, наряду, конечно, с другими, роковым для русской дальнейшей истории. Что можно объяснить особенной восприимчивостью молодости к новым идеям. А таковой в первой четверти века XIX явилась идея народности в литературе, концепция которой была разработана немецким романтизмом, а точнее его теоретиком И. Гердером. Она утверждала, что главная опасность в литературе – подражание иноземному, а главный залог успеха – развитие «самобытных элементов» нации. Уточним, что до начала споров между русскими «западниками» и русскими же «славянофилами» ещё почти десяток лет, и они пока мирно беседуют на заседаниях литературно-философского кружка Н.В.Станкевича при Московском университете, участниками которого были и К. Аксаков и В. Белинский. Участие в них наверняка способствовало их увлечению новыми идеями прогрессивного просветительского направления.

Под идейными знамёнами европейского просветительства прошёл длительный период работы Белинского в журнале «Отечественные Записки», и о «Мёртвых душах» Н.В. Гоголя дискутировал он с К.С. Аксаковым, возглавляя отдел критики этого издания. Он тогда резко полемизировал со славянофилами и их журналом «Москвитянин», которые развивали как раз ту идею, что сам он высказал в газете «Молва». В конце 1846 года Белинский покинул журнал скорее всего по причине идеологических расхождений с редактором А.А. Краевским, чьё либеральное западничество уже не устраивало его. Он принял предложение Н.А. Некрасова, издателя и редактора «Современника», возглавить отдел критики в его журнале. Тогда-то и возобновилась прерванная было на два года полемика со славянофилами и их «Москвитянином». Но это была уже иного рода дискуссия, иная мотивация её, связанная с эволюцией идейно-мировоззренческих взглядов Виссариона Григорьевича. Впрочем и не он выступил инициатором её.

Первой его публикацией в «Современнике» стала обзорная статья «Взгляд на русскую литературу 1846 года», опубликованная в первом номере журнала за 1847 год. Она была по сути программной, эстетическим манифестом натуральной школы в русской литературе, а точнее – классического реализма в ней. Но вот что любопытно: сугубо эстетическим и литературным вопросам в ней отведена лишь треть её объёма. Остальные две трети написаны с целью «познакомить заранее читателей «Современника»... с его духом и направлением как журнала» [1, т. 3, с. 641].

Вот основные тезисы, выдвинутые Белинским в качестве программных для общественной позиции обновлённого пушкинского детища. Первым «величайшим умственным успехом» своего времени Белинский называет следующее: «Мы, наконец, поняли, что у России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что её должны изучать и о ней должны судить на основании её же самой, а не на основании истории ничего не имеющих с нею общего европейских народов» [1, т. 3, с. 644]. Далее Белинский даёт понять читателям, что заслуга здесь целиком «партии славянофильской». Напоминая о славянофильских филиппиках против «русского европеизма», он отмечает, что они «об этом говорят много дельного, с чем нельзя не согласиться... Пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское» [1, т. 3, с. 653]. И третья принципиальная позиция, заявленная критиком как программная, это убеждённость в том, что «когда народ поддаётся напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их силою собственной национальности, ... – тогда он гибнет политически» [1, т. 3, с. 663].

Ниже следующие «выбранные места» из текста статьи – это уже прямой призыв к сотрудничеству. «Славянофильство есть убеждение, которое как убеждение, заслуживает полного уважения, даже и в таком случае, если вы с ним вовсе не согласны»; «на чьей стороне истина, рассудит время»; «мы не имеем никакой нужды враждовать и сердиться, ... и вместо благородной и позволенной борьбы мнений заводить бесполезную борьбу личностей и самолюбий».

Судя по этой дебютной статье в «Современнике», Белинский предлагает сделать новый журнал не полем сражения, а сотрудничества «западников» и славянофилов, всех национально мыслящих людей русского образованного общества. Редакция «Москвитянина», не поняв очевидно примирительного пафоса статьи Белинского или не приняв его, не спешила отвечать. Лишь в сентябрьском номере за 1847 год опубликовала статью «О мнениях «Современника», исторических и литературных». Автором её был не давний антагонист Белинского в спорах вокруг «Мёртвых душ» К. Аксаков, а Ю.Ф. Самарин, который обрушил свой гнев на «Современник» в лице его критика. Белинский отвечал ему в одиннадцатом номере «Современника» (статья «Ответ «Москвитянину»). Поразительно, что свою полемику с К. Аксаковым, когда он работал в «Отечественных Записках» Белинский теперь оценивает как «спор детский, ребячливый», подогреваемый «маленьким самолюбием спорщиков». Умудрён был Виссарион Григорьевич к 1867 году почти четырёхлетней дискуссией 1862–1865 годов со славянофилами, увидел их правоту во многих вопросах общественной жизни страны, и не пожелал заканчивать свой «Ответ «Москвитянину» на полемической ноте. Снова, как и во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» протягивает пальмовую ветвь мира своим оппонентам. Но те то ли не поняли, то ли (вероятнее всего!) не захотели принять её, и Самарин подбросил хворосту в угасавший огонь дискуссии. Значит, оставались ещё вопросы в их полемике, помимо художественно-эстетических, где стороны не пришли к согласию.

Заключение. И спор этот пронизывает литературно-общественную жизнь страны, то угасая, то разгораясь, до дней сегодняшних. Как будто отечественный опыт ничему не научил современных «мыслящих людей». Не уйдя Белинский в мир иной так рано, он довёл бы его до гармоничного финала. Да, он увлекался новыми идеями, был прогрессистом, но и научился уважать прежние, прислушиваться к консерваторам. Эта динамика мысли объясняет некоторую противоречивость критических оценок одних и тех же произведений, но и дезавуирует, так сказать, ставшие традиционными его характеристики в позднейших исследованиях. Он начал в журнале «Современник» работу по примирению со славянофилами, стремился избежать раскола теперь уже не только «между народом и обществом», а внутри этого самого общества. Вот что следовало бы взять из исторического опыта современным представителям интеллектуальной элиты, ищущим новую цементирующую общество национальную идею.

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений в трёх томах. – М., 1948.
2. Здольников В.В. История русской литературной критики (XVIII–XXI вв.). Учебное пособие. – Витебск: изд. ВГУ, 2012.
3. Кожин В.В. Рассказ о вышедших и выходящих книгах // Журнал «Наш современник», 2015., – №8.

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПАРАМЕТРЫ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

О.В. Казмирова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Поворот современного состояния языкознания к функциональной стороне языка имеет целый ряд последствий, одно из которых – изучение жанров речи в русле динамично развивающегося дискурсивно-стилистического направления (см. работы А.Н. Кожина, В.В. Одинцова, Г.Я. Солганика, О.В. Орловой и др.). Речевые жанры, объединенные общей смысловой направленностью, являются одним из наиболее эффективных механизмов при исследовании ситуаций употребления языка, процессов речепорождения. Жанры речи выступают в качестве высказываний, типичных для речевого поведения говорящего, обладающих ярко выраженной ситуативной спецификой и иллюстрирующих поведение адресанта как активного участника коммуникационного процесса.

Интерес нашего исследования представляет сфера массовой коммуникации в лингвистическом поле исследований, а именно медиалингвистика, которая характеризуется многообразием жанров, многие из которых являются сложными гибридными образованиями и появились в результате диффузии различных функциональных стилей. Одной из подобных гибридных жанровых форм служит англоязычный *медийный очерк*, относящийся к пограничной области публицистического стиля, что предполагает контаминацию стилей в подобном типе текста и семантическую многомерность. В настоящее время к числу важнейших, но малоисследованных вопросов относится изучение лингвистических параметров очерка, в частности, его жанрообра-